

Дворяне, земли и крестьяне

Свято исповедуя родовой принцип, Федор Алексеевич и его Дума реализовали его и в постановлениях о службе, и в особенности в поместно-вотчинном законодательстве. Земле- и душевладение было большим местом класса служилых феодалов. В самом деле, по переписи 1678 года дворцовые владения одного Федора Алексеевича составляли восемьдесят восемь тысяч крестьянских дворов, тогда как бояре, окольные и думные дворяне все вместе владели сорока пятью тысячами дворов. Еще заманчивее выглядели церковные владения – сто шестнадцать тысяч четыреста шестьдесят один двор! У патриарха было более семи тысяч дворов, тогда как самый богатый боярин имел четыре тысячи шестьсот дворов, а бояре в среднем – восемьсот тридцать (окольные – двести тридцать, думные дворяне – сто пятьдесят).

В результате смотров 1677–1679 годов Федор Алексеевич обнаружил, что на одного дворянина и сына боярского в южнорусских городах в среднем приходится меньше одного тяглого двора. В центральных уездах было получше, но в целом земельный голод был серьезной угрозой дворянству и фактором социальной нестабильности. В лучшем случае внимание дворянства сосредоточивалось на военных захватах: стоять на краю черноземов и быть нищими в виду бескрайнего Дикого поля из-за какой-то там турецкой или татарской опасности, – ей-богу, призыв к истребительной войне с агарянами падал на благодатную почву!

В 1679–1680 годах огромные военные силы выходили на исходные рубежи для сражений с турками и татарами, правительство вещало о военной опасности, прикрывая свои мирные усилия. Но это был не просто блеф; армия усиленно использовалась для удовлетворения земельного голода дворянства. Ее силами южнее Белгородской укрепленной линии в Диком поле была построена Изюмская черта: сотни километров самых современных фортификационных сооружений. Черта поддерживалась десятками крепостей, последнюю и самую южную из которых – город Изюм – генерал Г.И. Косагов завершил в 1681 году.

Граница России отодвинулась на сто пятьдесят – двести километров к югу, совершенно безопасными стали тридцать тысяч квадратных километров плодородных земель. При этом войска не понесли потерь от болезней, голода и прочих прелестей петровского времени, а Федор Алексеевич, как справедливо заметил С.М. Соловьев, руководил всем делом, не выходя из дворца (по крайней мере, не отъезжая далеко от Москвы).

Идея новой засечной черты пришла ему в июне 1678 года после изучения доклада о полном развале прославленных старых засек: Тульской, Веневской, Каширской, Рязанской и т. п. На месте непроходимых лесных завалов, деревянных стен и валов раскинулись пашни и

сенокосные угодья после того, как в 1640-х годах они оказались в далеком тылу Белгородской и Сызранской укрепленных линий, протянувшихся от Ахтырки до Симбирска.

Поэтому, когда Разрядный приказ доложил о необходимости заделать пролом в Белгородской черте, проделанный ханом Селим-Гиреем, Федор Алексеевич решил построить новый участок черты по большой дуге к югу, а в 1680 году, когда генерал Косагов замечательно развил этот план и не мог доказать его стратегическую выгоду военному начальству, царь лично поддержал проект прославленного полководца.

Умение подобрать, возвысить и в нужный момент решительно поддержать талантливых людей, отмеченное у Федора Алексеевича еще Г.Ф. Миллером (он утверждал, что Федор выдвинул значительную часть будущих сотрудников Петра), было, несомненно» более плодотворным, чем собственноручное пользование топором и дубиной. Это хорошо почувствовало дворянство, хоть и впряженное в тяжелую службу, зато усердно вознаграждавшееся царем землями в Диком поле.

Раздачу земель на юго-западном рубеже Федор Алексеевич начал, по просьбе дворян, указом от 3 марта 1676 года и продолжал по нарастающей, сочетая с раздачей дворцовых земель (в частности, в пределах Белгородского разряда), из которых передал дворянству тринадцать тысяч девятьсот шестьдесят крестьянских дворов. Один В.В. Голицын за экстраординарные заслуги как советник и доверенное лицо государя на южном рубеже получил две тысячи сто восемьдесят шесть дворов, став одним из богатейших людей страны (в 1678 году весь его род имел три тысячи пятьсот сорок один двор).

В результате крепостническое землевладение, укрепляемое неукоснительным сыском беглых, сделало при Федоре Алексеевиче решительный шаг на юг. Правительство с удовлетворением отметило «хлебное пополнение» – поток товарного зерна с юга оживлял торговлю. Изюмская и начатая строительством Новая черта от Верхнего Ломова через Пензу на Сызрань (завершена в 1684 году) способствовали резкому росту населения южнорусских земель.

При Федоре Алексеевиче Россия не имела учреждения политического сыска, не говоря уже о фискалах, прокурорах и им подобных петровских изобретениях (работа Разбойного приказа соответствовала названию). Устранению несправедливостей служил Челобитный приказ; лицо любого чина и звания могло жаловаться также в Расправную палату и лично государю. Кроме того, Федор Алексеевич был известен склонностью благожелательно выслушивать горькую правду.

Вместе с тем, вопреки мнению славянофилов, допетровская Россия не была «подрайской землицей». Например, Г.И. Косагов так объяснял Федору Алексеевичу, почему землепашцы предпочитают уходить в опасное Дикое поле вместо поселения за валами и бастионами укрепленных черт: «Люди не пребывают же от воеводцкого крохоборчества – без милости бедных людей дерут». Царь отлично знал, что воеводы грабят и воруют, а приказные живут в основном на взятки. Например, когда на Рождество 1677 года руководители ряда приказов отказались принять (и одарить) ходивших в сочельник со славлением царских певчих, царь объявил дьякам, «что они учинили то дуростию своею негораздо – и такого безстрашия никогда не бывало!... И за такую их дерзость и безстрашие быть им в приказах безкорыстно и никаких почестей и поминков ни у кого ничего ни от каких дел не иметь. А буде кто чрез сей его государев указ объявится хотя в самом малом взятке или корысти – и им быть за то в наказаньи». Словом: «Чтоб ты жил на одну зарплату!»

Не следует, конечно, причислять царя Федора к ангельскому лику. Когда крепостные решили, что с построением Изюмской черты «велено им, крестьянам, дать свобода, и выходить им из-за помещиков своих и вотчинников сентября До 1 числа 190 (1680) году», государь распорядился конкретно: толпы ринувшихся к границе крестьян остановить военной силой, «воров переимать всех», по двое от каждой группы повесить, остальных бить кнутом.

Между тем он был сам виноват в том, что крестьяне решили, «будто по твоему, великого государя, указу дана им воля и льгота на многие годы!». Слишком часто и слишком убедительно апеллировал он к идеям «общего блага» и «все народной пользы» в грамотах и указах, объявлявшихся в каждом городе, селе и деревне необъятного Российского государства.